

Астроним «луна» в поэтической речи М.И. Цветаевой

The astronomer "moon" in the poetic speech of M.I. Tsvetaeva

Лапутина Т.В.

Канд. филол. наук, доцент ГАОУ ВО МГПУ, 129226, г. Москва, 2-й

Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1,

e-mail: laputina.tanya@yandex.ru

Laputina T.V.

Candidate of philological Science, dozent of MGPU, 129226, Moscow, 2nd Agricultural passage, 4, building 1.,

e-mail: laputina.tanya@yandex.ru

Аннотация

Для лингвистического анализа лирического текста принципиальна мысль о том, что структура значения слова в поэтическом тексте шире структуры лексического значения, закрепленного за этим же словом в языке. Предлагаемая статья посвящена вопросам исследования функционирования слова в поэтической речи как актуальной проблеме современной лингвистики. Цель исследования заключается в описании семантической структуры астронима «луна», функционирующего в идиостиле Марины Цветаевой.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, астроним, индивидуальная метафора, поэтическая речь, Марина Цветаева.

Abstract

For the linguistic analysis of a lyrical text, the idea is fundamental that the structure of the meaning of a word in a poetic text is broader than the structure of the lexical meaning assigned to the same word in the language. The proposed article is devoted to the study of the functioning of words in poetic speech as an urgent problem of modern linguistics. The purpose of the study is to describe the semantic structure of the astronym "luna", functioning in the idiosyncrasy of Marina Tsvetaeva.

Keywords: lexico-semantic group, acronym, individual metaphor, poetic speech, Marina Tsvetaeva.

Как известно, многогранность структуры значения поэтического слова создается включением в неё потенциальных сем, определяющих уникальную семантику слова, характерную для идиостиля того или иного поэта. Возникающие в художественном произведении разнообразные контекстуальные связи влекут качественные преобразования в значении поэтического слова, и это значение, «получая семантико-эстетическое приращение, становится неравным словарному и вовлекает слово в общую образность текста» [7, с. 78]. Так ощутимое семантическое изменение слова в художественном тексте и формирует его новое, запоминающееся читателю, значение.

Исследование семантики поэтического слова представляет одну из актуальных проблем современной лингвопоэтики. В данной статье предпринята попытка описания семантики астронима луна в идиостиле М.И. Цветаевой. Выбор предмета исследования обусловлен выявлением особого содержания поэтического слова, чья семантическая структура шире закрепленного за ним узульного значения. Опираясь на лексикографический метод исследования, нетрудно сопоставить представленную в словарях семантику астронима луна с уникальной его же семантикой, характерной для поэтического текста М.И. Цветаевой. Данный метод является универсальным и активно

используется исследователями [3, с. 405; 4, с. 129]. Анализ семантической структуры поэтического слова строится на основе лексико-семантического метода с выделением конкретных сем в структуре значения астронима луна. Далее мы рассмотрим особенности формирования структуры значения астронима луна в идиостиле М.И. Цветаевой.

Значение лексемы «луна», закрепленное в толковых словарях, связано с обозначением небесного тела, спутника Земли, светящегося отраженным солнечным светом.

По замечаниям многих исследователей цветаевского творчества, в стихотворениях из ранних поэтических сборников («Вечерний альбом» и «Волшебный фонарь») луна и лунный свет, бесспорно, являются самыми частотными образами. Так, А.В. Шалаева отмечает, что образ луны у ранней М. Цветаевой связан с романтической картиной мира, луна ассоциируется с загадкой, с тайной, луна следит за тем, что происходит в ночи [9, с. 158], а лунный свет становится лейтмотивом в текстах, описывающих действия потусторонних сил.

Расширение структуры значения слова «луна» в ранних поэтических произведениях М. Цветаевой связано и с обозначением луны как таинственной возлюбленной. Данное значение мы находим в стихотворении «Чародею» (сборник «Вечерний альбом»), посвященном поэту-символисту Эллису (Л.Л. Кобылинскому), с которым семья Цветаевых была дружна и которого сестры Цветаевы называли чародеем: «Рот как кровь, а глаза зелены // И улыбка измученно-зла // О, не скроешь, теперь поняла я: // Ты возлюбленной бледной Луны» [8, с.49].

Эпитет, характеризующий луну, у «ранней» Цветаевой может быть выражен прилагательным «холодный» в значении «не дающий или не содержащий тепла»: «Красный бант в волосах! / А мой друг дорогой – / Часовой на часах. / Он под ветром холодным, / Под холодной луной, / У палатки походной – / Что столб соляной» (стихотворение «Красный бант в волосах!») [8, с. 457], или именным сочетанием «цвет луны», также обозначающим холодный и таинственный отраженный свет: «Мама с балкона домой позвала / Девочку цвета луны» (стихотворение «В сумерках» [8, с. 25]).

В ранней лирике М.И. Цветаевой структура значения астронима «луна» расширяется благодаря его сочетаемости не только с прилагательным «холодный», но и с прилагательным «кровавый» в значении «ярко-красный, цвета крови». В целом признаковая вербализация концепта «кровь» особенно важна не только для идиолекта М.И. Цветаевой, но и для всей системы русского языка: традиционно в структуру концепта «кровь» входят различные антропоморфные признаки, кровь воспринимается в качестве воплощения страстей человека, любви человеческой, кровь иногда осознается как отдельная (самостоятельная) сущность [1, с. 118].

У М. Цветаевой структура прилагательного «кровавый», образованного от существительного «кровь», включает сему «цвета крови», но и потенциальные семы «цвет красного вина». В цветаевском стихотворении «Ночь. – Норд-ост. – Рёв солдат. Рев волн...» мотив опьянения от вина влечет за собой мотив губительного опьянения от пролитой крови: «Ночь. – Норд-ост. – Рёв солдат. Рев волн / Разгромили винный склад. – Вдоль стен / По канавам – драгоценный поток, / И кровавая в нем пляшет луна...» [8, с. 371]. В стихотворении Цветаевой луна, отражаясь в луже пролившегося вина из разграбленного винного склада, приобретает красный оттенок, одновременно похожий на цвет вина и на цвет крови. В другом цветаевском стихотворении, «Плохо сильным и богатым...», употреблен синонимичный эпитет, сравним: «кровавая луна» – «в винном облаке луна»: «Город буйствует и стонет, / В винном облаке – луна. / А меня никто не тронет: / Я надменна и бедна» [8, с. 371].

Как мы видим, прилагательные, употребляемые в функции эпитета («холодная луна», «кровавая луна», «в винном облаке луна»), сочетаясь с астронимом луна, расширяют его семантику потенциальными семами «отстраненность», «цвет крови», «опасность».

Важную роль в расширении семантики слова играют сравнительные обороты. В

стихотворении «Над чёрным очертаньем мыса...» слово «луна» входит в состав двух важных для этого текста конструкций: первая из них – грамматическая конструкция, в которой интересующее нас слово становится подлежащим, а сравнительный оборот – характеризующим сказуемым; вторая из них – конструкция, включающая сравнительный оборот: «Над черным очертаньем мыса – / Луна – как рыцарский доспех, / на пристани – цилиндр и мех, / хотелось бы: поэт, актриса» [8, с. 423].

Как отмечает Н.М. Девятова, «сравнивая все со всем, мы расширяем границы мира, ищем близость отдаленных сущностей. Сравнение реализуется в языке разнообразными языковыми конструкциями, каждая из которых представляет собой реализацию логической модели сравнения. Такая модель включает в себя объект сравнения (то, что сравнивают), эталон сравнения (то, с чем сравнивают), общий признак сравнения (компаративная константа), показатель сравнительного отношения» [2, с. 49]. В стихотворении М. Цветаевой «луна» как объект сравнения уподобляется эталону сравнения: в данной конструкции – рыцарскому доспеху как части воинского снаряжения, предназначенному для защиты от нанесения ран. Общим признаком сравнения здесь может стать блестящий цвет. Расставание лирической героини с возлюбленным делает её уязвимой, теперь героиня может умереть («...Как слезы – солоны. Боюсь / Я завтра утром – мёртвой встану» [8, с. 423]), возможно, именно луна как символ гармоничного мира грез становится доспехами, способными защитить лирическую героиню от нанесенной ей смертельной раны, предательства любимого.

В цветаевском стихотворении «Ровно – полночь» сравнение луны с ястребом, хищной птицей с коротким крючковатым клювом и длинными острыми когтями, выстраивается на основе общего признака, связанного с молниеносной реакцией, характерной для данной птицы. Такой же тип реакции присущ цветаевским лирическим героям (неслучайно так быстро сменяются реплики в их диалоге):

«Ровно полночь
Луна – как ястреб.
- Что глядишь?
- Так – гляжу.
- Нравлюсь? – Нет.
- Узнаёшь? – быть может.
- Дон-Жуан я.
- А я – Кармен» [8, с. 409].

Как мы видим, семантика астронима луна формируется на основе его взаимодействия с такими тропами, как эпитет и сравнение. Однако в лирике М. Цветаевой данный астроним может входить и в состав важнейшего из тропов, каким является метафора. Одной из ярких цветаевских метафор, в состав которых входит данный астроним, является метафора «луны глаз» («Вас притягивали луны / Двух огромных глаз» [8, с. 309], стихотворение «Мальчиком, бегущим резво...»). Объектом сопоставления в данном сравнении выступают такие свойства луны как способность излучать свет, когда-то нами уже были рассмотрены особенности семантического сочетания компонентов метафоры «луны глаз» в контексте анализа семантической структуры слова «глаза» в лирике М. Цветаевой [Лапутина 2010, 38; Лапутина 2022, 441]. Лирического героя М. Цветаевой глаза героини притягивают, как луна притягивает объекты окружающего мира: «На, кажется, надрезанном канате / Я – маленький плясун. / Я – тень от чьей-то тени. Я – лунатик / двух тёмных лун» [8, с. 313], стихотворение «Не думаю, не жалуюсь, не спорю».

В заключение еще раз отметим, что семантика астронима «луна» в поэтическом тексте М.И. Цветаевой расширяется по сравнению с узульным значением этого слова. Такому «расширению» способствуют взаимодействие астронима с различными эпитетами («холодная луна», «кровавая луна»), вхождение этого слова в состав сравнительных

оборотов (луна как ястреб, луна как рыцарский доспех), а также функционирование астронима в составе метафоры (например, «луны глаз»).

Литература

1. Губанов С.А. Признаковая вербализация концепта «кровь» в текстах М. Цветаевой // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Амосова. 2024. Т. 21. № 2. – С. 115–123.
2. Девятова Н.М. Предметный мир сравнения // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 2 (46). – С. 48–58.
3. Жизнь животных в зеркальных отражениях: литература – культура – язык: Коллект. моногр. / Отв. ред. А.И. Смирнова. М.: Книгодел; МГПУ, 2023.
4. Казмирчук О.Ю. Роль цветочных мотивов в художественном универсуме цикла Б.Л. Пастернака «Переделкино» // Язык цветов и цветы в языке, литературе и культуре: Коллект. моногр. М.: ИКД «Зерцало-М», 2024. –С. 129–135.
5. Лапутина Т.В. Образ Оки в лирике М. Цветаевой // Символика воды в русской словесности и мировой культуре: Коллект. моногр. / Отв. ред. А.И. Смирнова. М.: Книгодел; МГПУ, 2022. С. 441–447.
6. Лапутина Т.В. Особенности семантической сочетаемости в генитивной метафоре (на материале поэзии М. Цветаевой) // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2010. № 3–4. – С. 38–43.
7. Новиков Л.А. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во РУДН, 2001.
8. Цветаева М.И. Собрание произведений, поэм и драматических произведений: В 3-х томах. Том I. Стихотворения и поэмы 1910–1920. М.: Прометей, 1990.
9. Шалаева А.В. Образы сумерек и луны в сборниках М.И. Цветаевой «Вечерний альбом» (1910) и «Волшебный фонарь» (1912) // Евразийский союз ученых. 2015. № 6–4(15). – С. 157–160.